

Иером. Герасим (Яред)

Отзывы о св. Фотие,
патр. Константинопольском его
современников - в связи с историей
политических партий византийской
империи

Опубликовано:
Христианское чтение. 1873. № 4. С. 738-761.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

ОТЗЫВЫ

О СВ. ФОТІИ, ПАТРИАРХѢ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОМЪ,

ЕГО СОВРЕМЕННИКОВЪ—ВЪ СВЯЗИ

СЪ ИСТОРИЕЙ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ ПАРТІЙ ВИЗАНТІЙСКОЙ ИМПЕРІИ.

(Продолженіе).

ВІІ. Акты Собора 869 года; трактатъ объ этомъ соборѣ
анонимнаго писателя.

Акты собора 869 года существуютъ нынѣ въ двухъ редакціяхъ латинской и греческой. Нѣкоторые изъ греческихъ писателей утверждаютъ, что ни одна изъ этихъ двухъ редакцій не можетъ быть признава подлинною, главнымъ образомъ потому, что настоящіе акты этого собора, какъ извѣстно, похищены были на пути въ Римъ славянами, а также и потому, что существующіе тексты ихъ значительно разнятся между собою и представляютъ нѣкоторыя несообразности, бросающія тѣнь подозрѣнія въ подлогѣ (1). Впрочемъ

(1) По мнѣнію Экономоса, латинская редакція есть не переводъ съ подлинника, а оригинальное сочиненіе Анастасія Библіотекаря, присутствовавшаго на соборѣ,—сочиненіе, содержащее въ себѣ много искаженій, произвольныхъ прибавленій и убавленій; греческая же есть произведеніе игнатіянина, впрочемъ болѣе добросовѣстнаго. Φωτίου

нѣтъ особенной надобности разсуждать здѣсь о подлинности или неподлинности этихъ актовъ, равно какъ о томъ, какая редакція предпочтительнѣе и вѣрнѣе, латинская или греческая, потому что, съ одной стороны, обѣ редакціи, если не вполне, то приблизительно, вѣрно представляютъ дѣло, а съ другой—та и другая изъ нихъ одинаково враждебны Фотію, хотя нельзя не замѣтить, что въ греческой сравнительно меньше рѣзкихъ фразъ противъ Фотія, чѣмъ въ латинской. По обѣимъ редакціямъ соборъ одинаково заслуживаетъ порицанія и осужденія. Внимательный читатель безъ особеннаго труда можетъ видѣть, каковъ былъ характеръ его, какимъ духомъ проникнуты были присутствовавшія на немъ лица и какихъ они были достоинствъ. Насильственный характеръ дѣйствій этого собора обнаруживается почти на каждомъ шагу.

Уже на первомъ засѣданіи, состоявшемъ (5 октября 869 г.) изъ 18 членовъ (1), въ присутствіи

Ἀρμόδου, — προδρόμου ρ. Αΰ. Примѣч. 2. Разность въ обѣихъ редакціяхъ заключается главнымъ образомъ въ слѣдующемъ: 1) Формула, которую долженъ былъ подписать всякій, желавшій засѣдать на соборѣ, въ греческой редакціи короче, чѣмъ въ латинской; въ ней нѣтъ ни слова о преувеличенномъ значеніи римской кафедры и о ея непогрѣшимости; 2) въ латинской редакціи означено 27 правилъ, а въ греческой только 14, которыхъ при томъ не вполне сходны съ латинскою редакціею; 3) въ греческой редакціи нѣтъ 12 ямбическихъ стиховъ, помѣщенныхъ въ концѣ 7 засѣданія по латинской редакціи, а только замѣчено, что въ концѣ 7 засѣданія прочтано 12 ямбическихъ стиховъ—весьма некрасивыхъ, т. е. безтолковыхъ. Этой справедливой рецензій нѣтъ въ латинской редакціи; 4) въ концѣ 9 засѣданія въ латинской редакціи помѣщено 17 стиховъ самаго оскорбительнаго для Фотія содержанія; стиховъ этихъ нѣтъ въ греческой редакціи; наконецъ 5) значительныя варіаціи встрѣчаются и въ рѣчахъ отцевъ, присутствовавшихъ на соборѣ.

(1) Присутствующими на этомъ соборѣ были: три римскихъ легата, епископы—Донатъ и Стефанъ съ Мариномъ діакономъ, св. Игнатій, два

императорскаго сановника Ваанеса и нѣкоторыхъ другихъ высшихъ правительственныхъ лицъ, постановлено, по требованію легатовъ, чтобы епископы и клирики не иначе допускаемы были къ участию въ соборныхъ засѣданіяхъ, какъ подъ условіемъ предварительнаго подписанія формулы, въ которой Фотій и его сообщники преданы анаемъ, Игнатій признанъ законнымъ патріархомъ, а папа Адріанъ — равноангельскимъ, евангельскимъ высшимъ іерархомъ и вселенскимъ папою (1). Поэтому можно судить о томъ,

мнимыхъ мѣстоблюстителя іерусалимской и антиохійской церкви — **Θома** и **Илія**, пять митрополитовъ и семь епископовъ. Что мѣстоблюстители іерусалимскаго и антиохійскаго престоловъ были подложны и что они признаны были въ качествѣ мѣстоблюстителей по желанію самого императора, — это видно не только изъ писемъ Фотія, который называетъ ихъ «Ἰερουσαλιμῶν ἀθέων πρέσβεις καὶ ὑπέρετας εἰς ἀρχιερατικῆς ἁδρας μεταπλάσμενους» (посл. 161. Фотіу ἐπιστολάι. Лондонъ 1864), но и изъ самыхъ актовъ этого собора. Въ этомъ же засѣданіи прямо сказано, что **Θома** тирскій, съ дозволенія царя, представлялъ лицо Антиохійскаго патріарха, по причинѣ смерти самого патріарха: ἐπέευστος τὸν τόπον τοῦ θρόνου Ἀντιοχείας διὰ τὸ ὑπέρεσθαι τῆς αὐτῶν ἐκκλησίας (Hagd t. V, p. 1025). Посему ясно, что онъ не имѣлъ никакой удостоверительной грамоты ни отъ пастырей, ни отъ паствы антиохійскаго патріархата. Что касается **Илія**, то изъ посланія о немъ іерусалимскаго патріарха **Θеодосія** къ св. **Игнатію** видно, что онъ былъ посланъ по приказанію эмира ходатайствовать предъ императоромъ объ освобожденіи плѣнныхъ сарацанъ (ibid. p. 1029), о полномочіи же его для собора — ни слова.

(1) Вотъ содержаніе этой формулы по латинской редакціи (словъ, напечатанныхъ курсивомъ, нѣтъ въ греческой редакціи): «начало всякаго спасенія состоитъ въ томъ, чтобы соблюдать правила вѣры и не уклоняться отъ постановленій отеческихъ: первое относится къ вѣрѣ, второе — къ дѣламъ. Цельзя при этомъ умолчать о словахъ Господа: «ты еси камень, и на семъ камнѣ созижду церковь мою», истину которыхъ засвидѣтельствовалъ опытъ, потому что апостольская каведри всегда непогрѣшимо соблюдала вѣру каволическую. И такъ, чтобы не отдѣлаться отъ нея и слѣдовать правиламъ отцевъ, особенно же возсѣдавшихъ на ней, мы анаематствуемъ всѣ ереси и между ними иконоборческую, анаематствуемъ также Фотія, который, вопреки священнымъ канонамъ, вдругъ изъ придворнаго служенія и мірскаго лагера

какая доля свободы была предоставлена членамъ этого собора. Ваанесь, человекъ, какъ видно, чувствовавшій неловкость подобнаго положенія дѣла, обратилъ вниманіе на несообразность этого требованія и предложилъ римскимъ легатамъ вопросъ: какимъ образомъ они, не выслушавъ оправданій Фотія, осуждаютъ его заочно? На это легаты отвѣтили, что папа Николай, на основаніи посланій Фотія и словъ его легатовъ, осудилъ Фотія заочно, такъ, какъ будто бы Фотій предстоилъ на судѣ. Ваанесь и другіе сановники послѣ того показали видъ, будто они удовлетворились этимъ наивнымъ отвѣтомъ. Затѣмъ, обратившись къ мнимымъ мѣстоблюстителямъ восточныхъ церквей, Ваанесь сказалъ: «вы давно уже въ Константинополь; почему же, имѣя Фотія подлѣ себя, вы не разслѣдовали его дѣла? Мѣстоблюстители на это отвѣтили: «такъ какъ Фотій

былъ возведенъ при жизни Игнатія, святѣйшаго патріарха, на престолъ константинопольской церкви хищнически, нѣкоторыми схизматиками, — пока онъ не покорится суду римскому и не отвергнетъ своего соборща. Мы слѣдуемъ и бывшему, при блаженной памяти папѣ Николаю, собору, опредѣленія котораго подписалъ и ты, равноангельскій владыка Адрианъ; принимаемъ всѣхъ, кого ты (по греч. редакціи: онъ, т. е. соборъ) принялъ, и осуждаемъ тѣхъ, которыхъ ты (по греч. ред. онъ) осудилъ, особенно же Фотія и Григорія сиракузскаго — отцеубійцъ, возставшихъ противъ своего духовнаго отца, а также и ихъ послѣдователей и сообщниковъ. Мы анаематствуемъ навсегда ложные соборы, бывшіе при императорѣ Михаилѣ—дважды противъ блаженнѣйшаго патріарха Игнатія, и однажды противъ первоверховнаго апостольскаго престола, — и осуждаемъ всѣхъ тѣхъ, которые держатся ихъ. Отъ всего сердца мы принимаемъ все, постановленное апостольскою каедрою насательно честнѣйшаго патріарха Игнатія и его приверженцевъ, желая во всемъ соблюсти общеніе съ нею, потому что на ней основана прочность вѣры христіанской, и общалъ не поминалъ на литургіи отлученнаго ею. Я, (такой-то) епископъ, подписалъ сіе собственноручно и чрезъ твоихъ легатовъ представилъ тебѣ Адриану, святѣйшему владыкѣ, великому архіерею и вселенскому папѣ».

не была признана за патриарха, ни церквами восточными (?), ни церковію римскою; то и не было надобности вызывать его къ суду и производить слѣдствіе; впрочемъ мы, хотя лично и не встрѣчались съ Фотиємъ, однако встрѣчались со многими изъ его общниковъ, и такимъ образомъ убѣдились, что его оправданія не могутъ имѣть никакого значенія». И этотъ мудрый отвѣтъ, по видимому, удовлетворилъ императорскаго представителя. Ваанесъ былъ лично знакомъ съ Фотиємъ; можно думать, что онъ даже сочувствовалъ ему ⁽¹⁾, очень хорошо понимая тѣ побужденія, которыя вызвали низложеніе Фотія и созваніе настоящаго собора; но, какъ придворный византиецъ, онъ считалъ себя обязаннымъ поступать согласно съ видами своего государя. Поэтому, сознавая полную несостоятельность отвѣта римскихъ легатовъ и мнимыхъ восточныхъ мѣстоблюстителей, къ которымъ онъ относился не безъ глубокой ироніи, — онъ въ тоже время показалъ видъ, будто вполне удовлетворенъ ихъ отвѣтами.

Второе засѣданіе не представляетъ ничего замѣчательнаго по отношенію къ дѣлу Фотія. На немъ десять епископовъ изъявили свою покорность собору, оправдывая свое прежнее отступленіе отъ Игнатія неизвѣрною жестокостію Фотія. Игнатій принялъ ихъ благосклонно, наложивъ впрочемъ на нихъ слѣдующую эпитимію: тѣ, которые употребляли въ пищу мясо, должны были воздерживаться отъ мяса, сыра и яицъ, а не употреблявшіе вовсе мяса, должны были воздерживаться отъ яденія сыра, яицъ и рыбы, довольствуясь въ среду и пятницу сухояденіемъ и не-

(1) См. посланіе 122, pag. 444.

большимъ количествомъ вина; затѣмъ всѣ они должны были дѣлать по 60 поклоновъ въ день, ежедневно это разъ повторять: «Господи помилуй; Господи, я согрѣшилъ; Господи, прости меня», и въ то же время перечитывать псалмы—6-й, 37-й и 50-й. Эпитимию эту предписано было имъ выполнять неизмѣнно впродолженіе до Рождества Христова, и кромѣ того запрещено было имъ священнодѣйствовать во все это время (1).

На третьемъ засѣданіи были вызваны два митрополита—**Феодулъ**, анкирскій, и **Никифоръ**, никейскій, стоявшіе на сторонѣ **Фотія**; но такъ какъ они отказались подписать вышеупомянутую формулу, то были изгнаны изъ собора; а затѣмъ прочитаны были письма императора **Василія** и патріарха **Игнатія** къ папѣ римскому и отвѣтныя письма папы **Адріана**.

Четвертое засѣданіе обращаетъ на себя вниманіе: 1) преніемъ **Захарія**, митрополита халкидонскаго, и **Феофила**, митрополита аморіумскаго, посвященныхъ св. Меѳодіемъ, — съ папскими легатами; 2) отзывами мнимыхъ мѣстоблюстителей восточныхъ патріарховъ объ отношеніи къ **Фотію** церковей—іерусалимской и антиохійской. **Захарій** и **Феодилъ** на соборѣ утверждали, что, когда они посланы были **Фотіемъ** въ Римъ, то папа **Николай** принялъ ихъ въ общеніе съ собою, что привело въ ужасъ римскихъ легатовъ. Въ добавокъ, **Захарія** и **Феодилъ** стали обличать одного изъ легатовъ, именно діакона **Марина**, какъ свидѣтеля этого общенія. Такъ какъ затѣмъ о предлагаемой формулѣ они и слышать не хотѣли, то, по требованію легатовъ, были прогнаны съ собора. **Теома**, мни-

(1) Harduin. t. V, p. 787 по лат. ред. и p. 1036 по греческой редакціи.

мый мѣстоблюститель антiохійскаго престола, сказалъ: «мы никогда не принимали Фотiя и не посылали къ нему общительныхъ грамотъ, да и отъ него не получали» (1). Тоже самое сказалъ Илiя объ iерусалимскомъ патрiархатѣ (2). Между тѣмъ изъ сохранившагося до насъ отвѣтнаго письма Фотiя къ антiохiйскому патрiарху Евстаѳiю видно, что Евстаѳiю не только признавалъ Фотiя братомъ и сослуживцемъ, но и сильно желалъ узрѣть его лицо (3). Сохранилось также письмо къ Фотiю Θεодосiя, бывшаго антiохiйскимъ патрiархомъ во время возстановленiя Фотiя. Здѣсь Θεодосiй говоритъ, что уже болѣе двадцати лѣтъ, какъ антiохiйскiй патрiархатъ признавалъ и признаетъ Фотiя патрiархомъ (4). Мы не говоримъ уже объ общительномъ посланiи Фотiя къ антiохiйскому патрiарху. Такимъ образомъ самая наглая ложь на этомъ соборѣ принималась за истину. Самъ императоръ и всѣ присутствовавшiе на соборѣ очень хорошо знали, что Фотiй на востоцкѣ былъ признавъ законнымъ патрiархомъ; но имъ, во что бы ни стало, нужно было доказать противное.

На пятомъ засѣданiи вызванъ былъ самъ Фотiй. Соборъ, число членовъ котораго теперь только что возрасло до 37, трижды отправлялъ къ Фотiю пословъ изъ мирянъ. Въ первый разъ Фотiй далъ посламя такой отвѣтъ: «вамъ давно слѣдовало сдѣлать то, на

(1) (ὁὐκ ἔδεξάμεθα ποτὲ Φωτίου, ὅτε ἀπεστάλαξεν ἀπὸ τῶν γραμμάτων ἀποδοχῆς, ὅτε ἔξ αὐτοῦ ἐδεξάμεθα. (Hard. t. V, p. 1048).

(2) Ibid.

(3) См. посланiе 225, p. 540. Εὐσταθίου, πατριάρχου Αντιοχείας.

(4) Ἀπὸ τῶν ἡμερῶν ἐκείνων, ἀπ' ὧν ἄρχι καὶ θεῶρα ὑπὲρ τοῦ ἔκαστο χρόνου διέδραμον... καὶ κωνωνῶν καὶ πολλοῦτοῦργῶν ἀπαδεξάμεθα σε καὶ ἀποδοχόμεθα ἀρχιερεῖς τε καὶ ἱερεῖς καὶ ἅπαν τῆς καθ' ἡμᾶς ἐκκλησίας το συντάγμα (συνοδ. συλλογ. t. II p. 960; изд. Потля и Ралли).

что вы рѣшились только сегодня; впрочемъ добровольно я не явлюсь на соборъ: *рѣхъ бо — сохранию пути моя, еже не согрѣшати ми языкомъ моимъ; положихъ храненіе устомъ моимъ*. Во второй разъ онъ отвѣтилъ: «вамъ не о чемъ насъ спрашивать; дѣлайте такъ, какъ вамъ приказано». Въ третій разъ представили Фотія на соборъ уже силой. Увидѣвъ его, римскіе легаты спросили: «кто этотъ человекъ, стоящій тамъ—на послѣднемъ мѣстѣ?» «Это Фотій», сказали сенаторы. — «Тотъ самый Фотій, воскликнули легаты, который въ продолженіе семи лѣтъ такъ много надѣлалъ хлопотъ церкви римской, церквамъ восточнымъ и церкви константинопольской?» «Тотъ самый!» отвѣтили сенаторы. Послѣ многихъ упрековъ и оскорбленій, легаты спросили Фотія, признаеть-ли онъ постановленія отцевъ? Зная напередъ, что соборъ для того и созванъ, чтобы осудить его, Фотій не отвѣчалъ. Легаты продолжали: «мы знаемъ, что онъ краснорѣчивъ; но знаемъ и то, что онъ похититель престола и прелюбодѣй,—пусть же онъ говоритъ!» На новые вопросы Фотій наконецъ сказалъ: «Богъ и молчащаго слышитъ». — «Своимъ молчаніемъ ты не избѣгнешь осужденія», замѣтили легаты. — «И самъ Иисусъ молчаніемъ не избѣжалъ осужденія», отвѣтилъ Фотій. Послѣ новыхъ оскорбленій, легаты потребовали, чтобы Фотій анаѳематствовалъ все сдѣланное и написанное имъ противъ Игнатія и призналъ Игнатія истиннымъ архіереемъ, покорившись вмѣстѣ съ тѣмъ суду римскаго престола. Фотій отвѣтилъ и на это молчаніемъ. Когда Ваанесъ побуждалъ его сказать что нибудь въ свое оправданіе, онъ сказалъ: «мое оправданіе не въ этомъ мѣрѣ». Послѣ того ему дали срокъ

будтобы для вразумленія, и засѣданіе окончилось (1).

Шестое засѣданіе ознаменовано было присутствіемъ самаго императора. Послѣ рѣчи Митрофана смирскаго, въ которой раскрывалась мысль о такъ называемой пентархіи, т. е. о томъ, что церковь должна управляться пятью патріархами, — этими великими, по словамъ Митрофана, свѣтилами, различающими, подобно солнцу и лунѣ, свѣтъ отъ тьмы (2), римскіе легаты обратились къ императору съ рѣчью, косвенно направленною противъ рѣчи Митрофана, въ которой заявили, что цѣль ихъ присутствія на соборѣ состоитъ не въ томъ, чтобы отмѣнить произнесенный уже папами — Николаемъ и Адрианомъ приговоръ, а въ томъ, чтобы привести этотъ приговоръ въ силу, и заключили тѣмъ, что они, легаты, не имѣютъ надобности слушать ни Фотія, ни его сторонниковъ, какъ людей уже осужденныхъ. Однако, по настоянію императора, были вызваны и епископы, оставшіеся на сторонѣ Фотія. Нѣкоторые изъ нихъ уступили увѣщаніямъ императора и собора и присоединились къ Игнатію; но большинство осталось вѣрнымъ Фотію. Одинъ изъ сторонниковъ Фотія, Евсевій, кесаріе—каппадокійскій, въ отвѣтъ на тре-

(1) Harduin, t. V. p. 818—823.—лат. ред.; p. 1050—1053—греч. ред.

(2) Ο' τῆς δικαιοσύνης ἥλιος, ὁ μόνος ἀπεροβύναμος κύριος καὶ θεὸς ἡμῶν, ποιῆσας τοὺς δύο φωστῆρας τοὺς μεγάλους, τὸν μέγαν εἰς ἀρχὴν τῆς ἡμέρας τὸν δ' εἰλάσσω ἀρχὴν τῆς νυκτὸς, καὶ θέμενος αὐτοὺς ἐν τῷ στερεώματι τῆς ἐκκλησίας, οἷον τινὰς μεγάλους φωστῆρας, τὰς εὐθείας πατριαρχικὰς κεφαλὰς, εἰς φῶσιν πάσης τῆς γῆς, ὥστε ἄρχειν τῆς ἡμέρας καὶ τῆς νυκτὸς καὶ διαχωρίζειν ἀνὰ μέσον τοῦ φωτὸς καὶ ἀνὰ μέσον τοῦ σκότους, τοσούτων ἀνὰ μέσον τῶν πραττόντων τὰ ἔργα τοῦ φωτὸς καὶ τοῦ σκότους, κ. τ. λ. (Harduin, t. V, p. 1053). Эту теорію достаточно развиваетъ и Виа-несь, и самъ императаръ (см. ниже), и также и Илія, мнимый мѣсто-блжженный іерусалимскаго престола.

бование царя и легатовъ—покориться собору, просилъ императора дать письменное удостовѣреніе въ томъ, что сторонники Фотія могутъ свободно защищаться; «тогда они доказали бы, что отцы собора противопоставляютъ имъ пустыя рѣчи». Императоръ однако отвѣтилъ ему слѣдующимъ софизмомъ: «можно ли назвать пустымъ то, что исходитъ отъ патріаршихъ престоловъ?... Пять патріаршихъ престоловъ не могутъ заблуждаться въ вѣрѣ» (1),— какъ будто бы рѣчь шла о вѣрѣ и какъ будто бы въ интересахъ вѣры императоръ созвалъ соборъ, а не въ интересахъ той партіи, съ помощію которой онъ взошелъ на царскій престолъ! Когда затѣмъ Захарій, въ защиту дѣла, сталъ развивать мысль, что церковныя правила и церковная практика выше патріарховъ, дѣйствія которыхъ, по мысли Захарія, могутъ быть уважительны настолько, насколько они согласны съ правилами и практикою; то царь опять сталъ настаивать на авторитетѣ церковныхъ кафедръ, гнѣвно прибавивъ: «мы привели васъ сюда не для того, чтобы лаять; всѣ ваши слова—ложь и обманъ». Однакожъ епископы, не смотря на это, твердо продолжали споръ съ императоромъ. Когда наконецъ они указали на то, что Игнатій самъ заявилъ о своемъ отреченіи (2)...

(1) Совершенно напрасна и эта ссылка на патріаршіе престолы, потому что на соборъ въ это время не было мѣстоблюстителя александрійской церкви, который прибылъ лишь къ концу собора; притомъ — и мѣстоблюститель іерусалимскаго и антиохійскаго престола были, какъ мы видели, недействительны.

(2) Harduin t. V. p. 1057. Τέως δ' ὁβ. προετίετο ὁ χόριος Ιγνάτιος. Но Латинской же редакціи—p. 830. Eulampius говоритъ: refutavit dominus Ignatius. . foris erat in insula sua et eum propter senectutem suam vel etiam propter languorem. Этыхъ словъ нѣтъ въ греч. редакціи. Но замѣчательно, что даже сторонники Игнатія на этомъ же

тогда легаты съ ужасомъ возопили, что они не могутъ и говорить съ людьми осужденными. При этомъ они не дали говорить и Захарію, когда онъ хотѣлъ опровергнуть доводы противъ фотіянъ Митрофана смирнскаго.

На седьмомъ засѣданіи, также ознаменованномъ присутствіемъ императора, Фотій былъ приглашенъ опять—вмѣстѣ съ Григоріемъ сиракузскимъ. Такъ какъ онъ явился съ жезломъ въ рукахъ, то римскіе легаты приказали отнять у него жезлъ, потому что Фотій, по ихъ мнѣнію, недостойнъ былъ имѣть его въ своихъ рукахъ. На вопросъ, принимаютъ ли они формулу, оба отвѣчали: «да сохранить Богъ на многія лѣта священную особу нашего царя; но легатамъ отвѣта мы не дадимъ; пусть они сами опомнятся и раскаются въ своей неправдѣ». На новый вопросъ Ваанеса, не имѣютъ ли они сказать что нибудь еще, они отвѣчали, что противъ клеветы имъ говорить нечего. Такую же твердость показали и сторонники Фотія. На предложеніе Ваанеса принять формулу и осудить Фотія, ираклійскій епископъ замѣтилъ, что достоинъ былъ бы анаемы тотъ, кто осудилъ бы

засѣданіи признавъ, что Игнатій дѣйствительно заявлялъ о своемъ отреченіи, хотя и старались ослабить значеніе его отреченія тѣмъ, что оно сдѣлано было во время его заточенія. Такъ Илія, мнимый мѣстооблеститель іерусалимскаго престола, говорилъ: «ὅτι τὸ κατὰ τὴν ἐξομολογήσεως τῆς παραστάσεως ἐγγράφου διὰ Ἰγνατίου τοῦ πατριάρχου ἀντὶ μὴδε γενομένου ἐστίν, ἐκ καὶ γενομένου, ὡς τῶν ἄλλων γενομένου» (р. 1056). Не скажутъ ли, что здѣсь рѣчь идетъ о томъ мнимо—наслѣственномъ отреченіи, о которомъ говоритъ Никита и которое было будто бы, во время перво-второго собора? Но въ такомъ случаѣ Илія такъ бы и сказалъ; между тѣмъ онъ говоритъ объ отреченіи, посвящавшемъ не во время противнаго ему собора, а ἐν τῇ ἐξομολογήσει—въ ссылахъ; следовательно, здѣсь разумѣется тоже отреченіе, на которое есть намѣръ и въ запискѣ Феговоста.

своего патріарха; прочіе же епископы сказали: «что неразумно, того мы припятъ не можемъ». Напрасно стали выставлять имъ на видъ авторитетъ патріаршихъ каедръ, — епископы остались непреклонны. Тогда были прочитаны письма папы Николая константинопольскому духовенству, въ которыхъ Фотій и Григорій преданы анаѳемъ, а равно и акты собора, бывшаго въ Римѣ при Адріанѣ II. Затѣмъ и самъ соборъ произнесъ на Фотія и его приверженцевъ анаѳему, которая повторена была 10 разъ. Хоръ проклинателей устами престарѣлаго Игнатія назвалъ Фотія «придворнымъ, узурпаторомъ, свѣтскимъ, площаднымъ, неосвятомъ, тираномъ, схизматикомъ, проклятымъ, предлюбодѣемъ, отцеубійцею, сплетателемъ лжи, изобрѣтателемъ развращенныхъ ученій, новымъ Максимомъ, циникомъ, новымъ Діоскоромъ, новымъ Іудою» (1). Уже по одному этому можно судить, какимъ духомъ проникнуты были присутствовавшія на соборѣ лица. Какъ только раздавалось правдивое слово въ пользу великаго патріарха, римскіе легаты и всѣ враги его приходили въ ужасъ и — или не давали сторонникамъ его оканчивать рѣчь, или же просто прогоняли ихъ. Не правъ ли поэтому былъ Фотій, когда, во время 5-го засѣданія, послалъ сказать собору: «вамъ не очемъ насъ спрашивать; дѣлайте такъ, какъ вамъ приказано»? Неправъ ли былъ онъ и теперь, когда на этомъ же 7-мъ засѣданіи, въ отвѣтъ на вопросъ, покается ли онъ, — замѣтилъ членамъ собора: «опомнились ли они сами и рѣшились ли наконецъ отказаться отъ своего незаконнаго суда?» Впрочемъ, сдѣланное соборомъ на разсмотрѣнныхъ засѣданіяхъ — ничто

(1) Hard. t. V, p. 872—873.

въ сравненіи съ тѣмъ, что сдѣлано было имъ на двухъ послѣднихъ засѣданіяхъ: въ этихъ-то послѣднихъ засѣданіяхъ и заключается весь интересъ этого собора.

Въ началѣ 8-го засѣданія Ваанесъ, отъ имени присутствовавшего тутъ императора, сказалъ, что въ послѣдніе годы епископы и клирики, синклитъ и весь городъ, вопреки своей волѣ, вслѣдствіе интригъ и коварства, подписали дѣла несправедливья. «Нынѣ мы желаемъ предать эти подписи сожженію, и да будетъ прощено всякому человѣку сіе невольное прегрѣшеніе.» Епископы одобрили это желаніе царя, и въ слѣдъ за тѣмъ сожжены были акты собора 867-го года вмѣстѣ съ другими, насильственно отнятыми у Фотія, рукописями, безъ сомнѣнія весьма важными. Въ числѣ ихъ были, вѣроятно, и нѣкоторыя сочиненія самаго Фотія. *Послѣ того* императоръ объявилъ, что онъ приказалъ явиться на соборъ и тѣмъ лицамъ, которыхъ Фотій на соборѣ 867 года принялъ за мѣстоблюстителей восточныхъ престоловъ. Тогда спросили одного изъ нихъ, по имени Петра: «былъ ли ты на соборѣ, который Фотій составилъ противъ папы Николая, и подписалъ ли опредѣленіе его?» Петръ отвѣтилъ: «ничего такого я не знаю; вотъ, читайте мою записку: она вамъ все скажетъ обо мнѣ». Въ запискѣ между тѣмъ значилось, что Петръ не только не присутствовалъ на этомъ соборѣ, но даже не зналъ, былъ ли такой соборъ. Потомъ спрошены были еще двое—одинъ по имени Василій, а другой—Леонтій, которые заявили, что они также ничего не знаютъ. «Вы видите, сказалъ Ваанесъ отъ имени императора, что покрывало жи падаетъ само собою и что ко

варство Фотія волюнѣ обнаружилось». За тѣмъ сказано въ актахъ, спросили митрополитовъ, подписавшихъ опредѣленіе противъ папы Николая, и они отвѣтили, что ничего не знаютъ объ этихъ подписяхъ. Такимъ образомъ объявлены были вымышленными—какъ подписи митрополитовъ и мѣстоблюстителей восточныхъ престоловъ, такъ и самый соборъ противъ папы Николая, и Фотій слова былъ преданъ анаемѣ, какъ вѣроломный узурпаторъ, отцеубійца и лжець. Торжество игнатіанъ было полное, и Митрофанъ смирскій особою рѣчью поздравилъ императора съ этою побѣдой. Между тѣмъ невольно рождается недоумѣніе: отчего соборъ и императоръ потребовали этихъ мнимыхъ мѣстоблюстителей *не прежде* сожженія актовъ собора 867 года, а *посль*? Если дѣйствительно *эти* лица, а не *иныя*, были на соборѣ 867 г. въ качествѣ мѣстоблюстителей и если ихъ подписи находились въ актахъ; то слѣдовало бы, кажется, показать имъ эти подписи на самыхъ актахъ и спросить, дѣйствительно ли это ихъ подписи? Равнымъ образомъ и митрополитовъ слѣдовало спросить *прежде* сожженія актовъ, а не *посль*, для удостовѣренія, что ихъ подписи были поддѣланы. Далѣе,—зачѣмъ *этихъ* мнимыхъ мѣстоблюстителей и *этихъ* митрополитовъ не спрашивали въ присутствіи самого Фотія и его приверженцевъ? Тогда обличеніе было бы гораздо торжественнѣе и убѣдительнѣе для посторонняго лица! Не странно ли и то, что вышеупомянутый Петръ, при вопросѣ, участвовалъ ли онъ въ соборѣ противъ папы Николая и подписалъ ли его акты, не пришелъ въ недоумѣніе, какъ слѣдовало бы ожидать отъ человѣка, обвиненнаго въ томъ, чего онъ вовсе

не зналъ, а прямо подалъ записку, очевидно ранѣе заготовленную въ отвѣтъ? Не видно ли отсюда, что всѣ эти вопросы и отвѣты были ни болѣе, ни менѣе, какъ только мистификація—со стороны императора, желавшаго оправдать себя въ сожженіи актовъ, въ которыхъ находилась и его собственная подпись, и—со стороны игнатіанъ, желавшихъ очернить Фотія? Будучи не въ состояніи выставить что нибудь серьезное противъ Фотія и его приверженцевъ, такъ мужественно защищавшихъ себя и своего законнаго патріарха, игнатіане, очевидно, въ послѣднихъ засѣданіяхъ рѣшились на самыя недостойныя мѣры. Они подыскали продажныхъ лицъ, научили ихъ, какъ и что отвѣчать на соборѣ, и, повидимому, достигли своей цѣли. Къ убѣжденію въ справедливости такого предположенія приводитъ и противорѣчіе въ словахъ императора или Ваанеса, говорившаго отъ имени императора, до сожженія и послѣ сожженія актовъ. Въ самомъ дѣлѣ, до уничтоженія актовъ, по его словамъ, всѣ епископы и клирики, весь синклитъ и весь городъ (прибавимъ, и самъ императоръ) подписали дѣла, будтобы неправыя, вопреки своей волѣ; между тѣмъ послѣ сожженія актовъ онъ говоритъ: «очевидно, что Фотій поддѣлалъ и лица и подписи»; слѣдовательно, пока акты существовали на лицо, до той поры и лица и подписи были вѣрны; а какъ скоро актовъ не стало, то они оказались подложными!!! Вотъ какія дѣянія допускались на этомъ соборѣ, на который однако ссылаются современные намъ римско-католическіе писатели, какъ на соборъ, безукоризненный! Весьма понятно теперь, какъ произошли и какую силу должны имѣть обвиненія въ подлогѣ, воз-

буждаемыя противъ Фотія со стороны Митрофана смирнскаго, Анастасія Библиотекаря, Стилиана, Никиты и др., когда сонмище игнатіанъ, съ императоромъ во главѣ, *заочно* усвоило невинному патріарху то, въ чемъ было само повинно. Но совершенно не понятно, какимъ образомъ современные намъ ученые, обладающіе глубокимъ критическимъ талантомъ, какъ напр. Гергенрѣтеръ, — читавшіе и перечитывавшіе эти акты, не обратили надлежащаго вниманія на жалкую комедію, разыгранную во время осьмаго засѣданія разбираемаго нами собора.

Ко времени 9-го засѣданія прибылъ Іосифъ, мѣстоблюститель александрійскаго патріархата, который во всемъ согласился съ опредѣленіями собора. Здѣсь заслуживаютъ особеннаго вниманія допросы и отвѣты тѣхъ, которые участвовали въ такъ называемыхъ маскарадныхъ процессіяхъ императора Михаила. Легаты спрашивали ихъ, видѣлъ ли ихъ Фотій, когда они совершали эти процессіи? Они отвѣтили: «видѣлъ ли онъ насъ, мы не знаемъ; одно только знаемъ, что эти процессіи не были тайною ни для кого». Мы уже имѣли случай замѣтить, что одинъ Фотій способствовалъ прекращенію этихъ процессій; а между тѣмъ соборъ и игнатіане ставятъ эти дѣйствія императора Михаила въ вину Фотію! Дѣйствовавшія въ этихъ процессіяхъ лица увѣряютъ, что они не знаютъ, видѣлъ ли ихъ Фотій; объ Игнатіѣ же несомнѣнно извѣстно, что онъ видѣлъ ихъ и не имѣлъ однако смѣлости обличить императора. Отъ чего же не упрекаютъ за это Игнатія? Ничего не сказали противъ Фотія и, такъ названные, лжесвидѣтели, которыхъ также допрашивали на этомъ засѣданіи. Созвавшись въ

томъ, что они дѣйствительно увѣрили, будто Игнатій неправильно былъ возведенъ въ патриархи, они оправдывались тѣмъ, что иначе не могли говорить страха ради власть имѣвшихъ (*διὰ τὴν φόβον τῶν κρατούντων*). Наконецъ была повторена теперь и комедія, разыгранная на предыдущемъ засѣданіи. Но на предыдущемъ засѣданіи извѣстные уже намъ лица, которыхъ Фотій, по увѣренію императора, будтобы принялъ въ качествѣ мѣстоблюстителей восточныхъ кафедръ на соборѣ противъ папы Николая, прямо заявляли, что они не подписывались подъ опредѣленіемъ противъ папы, не находились на соборѣ и даже не знали, былъ ли такой соборъ. Теперь же, когда римскіе легаты, чтобы нагляднымъ образомъ выставить на видъ только что прибывшему мѣстоблюстителю александрійскаго престола Юсифу мнимыя злодѣянія Фотія, снова потребовали этихъ лицъ на соборѣ, — они, къ удивленію, сознались, что будтобы дѣйствительно участвовали въ дѣлѣ противъ папы Николая, но что будто бы Фотій научилъ ихъ сказаться мѣстоблюстителеми восточныхъ кафедръ. Очевидно противорѣчіе въ этомъ показаніи тому, что было говорено ими на предыдущемъ засѣданіи. Тогда, какъ мы уже видѣли, они проклинали и акты, и того, кто ихъ писалъ и подписывалъ; и соборъ торжественно объявилъ, что Фотій поддѣлалъ и лица, и подписи, и значить, весь соборъ противъ папы Николая; теперь же, по ихъ показанію, выходитъ, что были на томъ соборѣ лица; следовательно были и подписи. Такъ передается девятое засѣданіе собора въ греческой редакціи актовъ. Но латинской редакціи дѣло представляется нѣсколько иначе. Въмѣсто мѣстоблюстителей—Петра и Василія,

здѣсь являются на сценѣ новыя лица—Георгій и Сергій; третій мѣстоблюститель—тотъ же Леонтій. Всѣ они, какъ и въ предыдущемъ засѣданіи, согласно показали, что ничего не знали о соборѣ Фотія. Какая изъ двухъ редакцій вѣрнѣе, нельзя сказать,—хотя латинская на этотъ разъ оказывается послѣдовательнѣе греческой; но та я другая, повторяемъ, равно не служатъ къ чести собора. Замѣтимъ, что это засѣданіе послѣдовало спустя три мѣсяца послѣ 8-го засѣданія, т. е. 12 февраля 870 года, чѣмъ, вѣроятно, и объясняется появленіе Георгія и Сергія, по латинской редакціи, вмѣсто Василія и Петра, которыхъ, можетъ быть, уже и не было въ столицѣ.

Такимъ образомъ, судя даже по актамъ этого враждебнаго Фотію собора, можно убѣдиться, что Фотій не былъ ни въ чемъ виновенъ. Соборъ не могъ представить противъ него ни одного факта, который дѣйствительно говорилъ бы противъ него. Рѣзкія выраженія собора о немъ и оскорбительныя названія, прилагаемыя къ его лицу, сами по себѣ ничего не говорятъ. При отсутствіи предосудительныхъ фактовъ, всякаго рода оскорбительныя выраженія унижаютъ только того, кто ихъ изрекаетъ, а не того, противъ кого они направлены. Акты носятъ на себѣ самихъ отпечатокъ той несправедливости и того крайняго пристрастія, которыми отличался самъ дѣянія этого собора.

При разсмотрѣніи актовъ этого собора должно обратить вниманіе также на слѣдующія обстоятельства: во первыхъ, рѣзко бросается въ глаза малочисленность присутствующихъ на соборѣ лицъ. Въ самомъ дѣлѣ, на первомъ засѣданіи принимали въ немъ участіе только 12 епископовъ; на пятомъ число ихъ

доходить до 37; на девятомъ до 60, и только на десятомъ и послѣднемъ, когда дѣло касалось уже не Фотія, а болгарскихъ провинцій, число членовъ дошло до 102. Какое ничтожное количество въ сравненіи съ численностію членовъ тѣхъ соборовъ, которые созываемы были Фотіемъ! Не забудемъ еще, что соборъ былъ созванъ уже спустя два года по изложениіи Фотія и возстановленіи Игнатія, и что въ созваніи его императоръ Василій принималъ самое дѣятельное участіе. Этотъ фактъ краснорѣчиво говорить о сочувствіи Фотію епископовъ константинопольскаго округа и о сознаніи ими правоты дѣла своего патріарха. Епископы сочли за лучшее подвергнуться осужденію, ссылкѣ, преслѣдованію, чѣмъ уступить волѣ императора и измѣнить своему патріарху, — ясное доказательство того, что люди одинаковаго съ Фотіемъ направленія вовсе не отличались такою уступчивостію предъ свѣтской властью, какою нѣкоторые приписываютъ имъ. Если Василій Македонянинъ, императоръ энергическій, могущественный и настойчивый, въ продолженіи двухъ лѣтъ могъ склонить на свою сторону и сторону Игнатія столь незначительное число епископовъ, то ясно, что епископы высоко цѣнили, такъ или иначе понимаемые ими, интересы церкви.

Во вторыхъ, замѣчательна та раздвоенность, которая выразилась на соборѣ въ сужденіяхъ греческихъ епископовъ и римскихъ легатовъ. Первые въ своихъ рѣшеніяхъ опираются на авторитетъ пяти патріаршескихъ кафедръ и римскому папѣ придаютъ только первое мѣсто между пятью патріархами; легаты же, напротивъ, опираются на авторитетъ папы и на судъ

римской церкви. — Въ осужденіи Фотія и его сторонниковъ легаты видятъ только примѣненіе нѣ дѣлу приговора римской церкви. Напротивъ греческіе епископы считаютъ это осужденіе самостоятельнымъ дѣломъ самого собора, получающаго силу и значеніе отъ присутствія на немъ представителей пяти патріарховъ, и только въ посланіи св. Игнатія признаются за римскимъ первосвященникомъ такія права, какихъ никогда *не признавала за нимъ восточная церковь* (1). Историкъ въ данномъ случаѣ представляются два факта: съ одной стороны—упорное стремленіе римской церкви къ господству и къ присвоенію правъ, ей не принадлежащихъ; съ другой стороны—тотъ фактъ, что игнатіане, на словахъ угождая папѣ для достиженія своихъ цѣлей, въ дѣйствительности ни мало не думали уступать его притязаніямъ.

Въ отношеніи собора къ фотіанамъ нельзя не указать еще на одну особенность: до собора игнатіане горѣли ревностію о священныхъ канонахъ, такъ явно, съ ихъ точки зрѣнія, нарушенныхъ низложеніемъ Игнатія и возведеніемъ Фотія; теперь же на соборѣ, когда Богъ далъ имъ царя по сердцу ихъ, о правилахъ церковныхъ они вовсе не думаютъ: церковныя правила замѣняются у нихъ авторитетомъ патріар-

(1) Въ посланіи св. Игнатія къ папѣ Николаю, читанномъ на 3-мъ засѣданіи собора, между прочимъ, говорится, что, для исцѣвленія церковныхъ недуговъ, Христосъ назначилъ единого отличнаго и всеобщаго врача—τὴν σὴν ἐφελότης ἀδελφικὴν καὶ πατρικὴν ἐξουσίαν. Изреченія: *ты еси Петръ и дамъ ти ключи царствія небеснаго*, по мнѣнію автора посланія, относятся ко всемъ римскимъ іерархамъ,—вслѣдствіе чего они издревле были искоренителями всехъ ересей и беззаконій: καὶ τούτου χάριν ἐκπέσαι καὶ ἀνεκαθεύειν ἐν ταῖς ἀναφροεσίαις ἀρέσασσι καὶ παρανομίαις ἐκρίζωταὶ τῶν πονηρῶν σκανδάλων γεγόνασιν. Καὶ οὖν δε ἡ σὴ μακαριότης ἀξίως διατεθεῖσα τῆς δεδομένης σοι Χριστοῦθεν ἐξουσίας... τὸν διὰ τῆς θυρίδος εἰς τὴν αὐλήν τῶν προβάτων ληστρικῶς ἐμβαλθόντα (т. е. Фотія)... τοῦ κοινῶς τῆς ἐκκλησίας ἐξέτεμεν σφραγτος.

шихъ каедръ. Осуждая Фотія, они не мотивируютъ эти сужденія какими нибудь правилами церковными. Если фотіане ссылаются на духъ церковныхъ правилъ и церковной практики; то игнатіане указываютъ на *свѣтила церкви*, т. е. не на соборы вселенскіе, не на преданіе, не на ученіе церкви, а на авторитетъ пяти патріаршескихъ каедръ. На самомъ же дѣлѣ и пяти патріарховъ, или ихъ дѣйствительныхъ представителей, на соборѣ не было; а подъ прикрытіемъ ихъ именъ дѣйствовалъ человекъ, который авторизовалъ ихъ значеніе, то есть, императоръ Василій Македонянинъ. Не показываетъ ли это, что ревность о точности соблюденія церковныхъ правилъ и у игнатіанъ являлась только тогда, когда требовали того интересы партіи? (1).

Что касается трактата, извѣстнаго подъ названіемъ: *τόμος, περιέχων ἐν συντόμῳ τὴν οὐδεὶν σύνοδον, γεγραμμένος ἐν τῷ δεξιῷ ἐμβόλῳ τῆς μεγάλης ἐκκλησίας*, то онъ написанъ въ самый годъ кончины Фотія. Въ немъ говорится, что Фотій 45 лѣтъ уже преданъ анаемѣ, потому что, когда онъ былъ еще свѣтскимъ, въ продолженіе 11-ти лѣтъ сыпались на него проклятія, и 34 года съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлался духовнымъ лицомъ (а Фотій скончался на 34 году своего святительства, т. е. въ 891-мъ году). Содержаніе этого трактата слѣдующее. Фотій,—говоритъ анонимный авторъ,—былъ преданъ анаемѣ еще тогда, когда былъ міряниномъ; ни одинъ изъ восточныхъ патріарховъ не имѣлъ съ нимъ церковнаго общенія; папа Іоаннъ VIII также никогда на самомъ дѣлѣ не при

(1) Надесятюмъзасѣданіи читаны были правила и опредѣленія этого собора. Потомъ былъ подвергнутъ обсужденію вопросъ о Болгаріи.—вопросъ, въ рѣшеніи котораго теорія центархіи нашла свое полное примѣненіе.

знавалъ его патріархомъ, да и не могъ принять его въ церковное общеніе, ибо связаннаго однимъ другою разрѣшить не можетъ. Вслѣдствіе того и папа Іоаннъ не могъ разрѣшить Фотія отъ узъ, наложенныхъ на него его предшественникомъ. Напротивъ, самъ Фотій принудилъ папскихъ легатовъ, посланныхъ къ Игнатію по болгарскимъ дѣламъ, имѣть съ нимъ общеніе, чѣмъ и предъстѣилъ многихъ; но папа Іоаннъ, узнавъ объ этомъ, подвергъ своихъ легатовъ анаемѣ, и проч. Авторъ увѣряетъ, что соборъ 869-го года проклялъ Фотія, между прочимъ за то, что Фотій училъ о существованіи двухъ душъ въ каждомъ человѣкѣ и за то еще, будто въ одинъ день (*αὐθιγὰς*) онъ прошелъ всѣ степени священства, принявъ посвященіе отъ анаематствованнаго Григорія сиракузскаго. О Григоріѣ сиракузскомъ онъ повторяетъ ту же ложь, которую высказалъ Стиліанъ, т. е. также увѣряетъ въ томъ, что Григорій сиракузскій преданъ былъ анаемѣ папами Львомъ и Бенедиктомъ. Отсюда онъ заключаетъ, что этими папами преданъ былъ анаемѣ и Фотій, какъ сообщникъ Григорія. Въ заключеніе сдѣлана приписка, что Стиліанъ неокесарійскій, уклонившись отъ истиннаго пути, перешелъ было на сторону фотіянъ ⁽¹⁾. Трактатъ этотъ написанъ въ тонѣ крайне раздражительномъ; иногда вмѣсто: *Φωτίου* авторъ употребляетъ выраженіе: *Μοιχικου*. Объ отношеніяхъ Фотія, послѣ его возвращенія изъ ссылки, къ Игнатію, въ этомъ трактатѣ говорится слѣдующее: «Нѣкоторые говорятъ, что Фотій принесъ раскаяніе предъ патріархомъ Игнатіемъ и что патрі-

(1) Заключеніе, очевидно, приписано послѣ, такъ какъ въ немъ упоминается о сношеніяхъ съ Стиліаномъ папы Іоанна IX, занимавшаго римскую кафедру въ самыхъ послѣднихъ годахъ IX столѣтія.

архъ сказалъ ему: если ты сдѣлалъ что противъ меня, да проститъ тебя Богъ; Богъ проститъ тебя и въ томъ, что ты сдѣлалъ противъ церкви, если ты отнынѣ не будешь возмущать ея покоя и не будешь совершать ничего священноіерейскаго; а я съ своей стороны напишу просьбу патріаршимъ престоламъ, и, если они разрѣшатъ тебя отъ узъ, тогда и я окажу тебѣ снисхожденіе. Но Фотій чрезъ императора удержалъ его отъ письма къ патріаршимъ кафедрамъ, будучи увѣренъ, что ему невозможно получить разрѣшеніе на священнодѣйствіе. Съ тѣхъ поръ онъ постоянно интриговалъ противъ Игнатія и даже, находясь въ Магнаврѣ, совершалъ хиротоніи, какъ патріархъ, преслѣдуя и подвергая ссылкамъ тѣхъ, которые ему противодѣйствовали. Когда Игнатій скончался отъ его злоумышленія, то онъ построилъ царя издать приказаніе, чтобы никто изъ архонтовъ не присутствовалъ при его погребеніи». Въ такомъ искаженномъ видѣ представляются отношенія двухъ примирившихся патріарховъ, какъ извѣстно, искренно и вполне устранившихъ отъ себя все недоразумѣнія, въ которыя вовлеченъ былъ Игнатій и которыхъ Фотій не могъ устранить ранѣе. Дѣйствительно существовавшія взаимныя отношенія ихъ трогательно описываетъ самъ Фотій на соборѣ 879 года, гдѣ все присутствовавшіе епископы подтвердили слова своего патріарха. Есть основаніе думать, что тѣсное сближеніе Игнатія въ послѣдніе годы его жизни съ Фотіемъ имѣло даже результатомъ своимъ такого рода церковно-административныя распоряженія, которыя съ строго-клерикальной точки зрѣнія были предосудительны (1).

(1) Такъ, по крайней мѣрѣ, можно судить по слѣдующимъ словамъ

Такимъ образомъ авторъ трактата все представляетъ въ видѣ искаженномъ. Подобно другимъ игнатіанамъ, онъ умышленно умалчиваетъ о соборѣ, бывшемъ при Фотіѣ въ 879 году, на которомъ присутствовали и папскіе легаты и мѣстоблюстители восточныхъ церквей,—и жетъ, утверждая, будто папа Іоаннъ не признавалъ Фотія патриархомъ, тогда какъ легаты, какъ мы уже знаемъ, вошли въ общеніе съ Фотіемъ не раньше, какъ по полученіи ими на то предписанія отъ самого папы. Что папа Іоаннъ дѣйствительно признавалъ Фотія своимъ братомъ и сослуживцемъ, это видно не только изъ признанія въ томъ другихъ игнатіанскихъ писателей, но и изъ дошедшихъ до насъ посланій этого папы къ императору Василию, къ самому Фотію и другихъ. Правда, въ послѣдствіи—говорятъ западные писатели—послѣ неудачи своей по болгарскому вопросу, папа Іоаннъ прервалъ будто бы общеніе съ константинопольскою церковію; но и на это современныхъ и вполнѣ достовѣрныхъ указаній нѣтъ (1).

Иеромонахъ Герасимъ.

изъ посланія папы Адріана къ Игнатію: ἐμάθομεν δε καὶ ἄλλα πολλὰ ἐναντία τῶν πατριῶν ὄρων ὑμεῖς διακρίττεσθαι, ἀλλὰ δὴ καὶ τοῦτο, τινὰς γὰρ νεωστὶ ἀπὸ τῶν λαϊκῶν ἄφνω διακόνους ἐχειροτονήσατε ἐναντία μὲν καὶ τοῖς κάλοις πατέρας, ἀλλὰ δὴ προσφάτως συναθροισθείσῃ οἰκουμένην συνόδῳ, οὐκ ἄγνοοιτε δε ὅτι ἡ τοῦ Φωτίου πτώσις ἐντετέθεν τὴν ἀρχὴν ἔλαβεν.

(1) Въ одномъ отрывкѣ, помѣщенномъ вѣстѣ съ актами собора 869 г. (Harduin, t. V p. 1140) говорится, будто Іоаннъ на амвонѣ, съ евангеліемъ въ рукахъ, предалъ Фотія анаемѣ. Но если бы это было дѣйствительно такъ; то Фотій, конечно, невыразился бы объ Іоаннѣ, какъ святомъ человѣкѣ: ὁ ἐν ἁγίοις Ἰωάννης (см. посланіе Фотія къ авнилейскому митрополиту Іоанну объ исхожденіи св. Духа) и вообще не выразился бы о немъ такъ, какъ выразился о немъ въ трактатѣ о тайноводствѣ въ ученіи о Св. Духѣ: ὁ ἐμός Ἰωάννης, и проч. По всей вѣроятности, преемникъ Іоанна, папа Маринъ, личный врагъ Фотія, предавъ его анаемѣ, приписалъ и своему предшественнику поступокъ, который дозволялъ себѣ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки